

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург);

с.н.с., Международный центр социально-экономических исследований
«Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

ЭФФЕКТ КОЛЕИ, КУЛЬТУРА И «КРИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ» В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ¹

Аннотация. Зависимость от траектории предшествующего развития (эффект колеи) рассматривается в работе прежде всего как культурный феномен. Под культурой понимается устойчивый, воспроизводимый в историческом времени образ идеального социального порядка. Она отождествляется с неформальными институтами, которые лежат в основе формальных институтов. Культура, с одной стороны, есть связующая материя исторических эпох, а с другой — может выступать по этой же причине и в роли механизма институциональной ловушки: преграды на пути модернизации. Индикаторами национальных особенностей культуры могут служить опросы общественного мнения и топонимика. В России к таковым отнесены явное превалирование положительных оценок роли Сталина над аналогичными оценками Горбачева и сохранение топонимики коммунистической эпохи. Концепция «критических моментов» может использоваться как для объяснения механизма попадания на историческую колею, так и схода с неё. В статье она проиллюстрирована расходящимися путями Литвы и Белоруссии в XX в. В итоге делается вывод о том, что выход из этой колеи возможен, но требует редкого сочетания критических событий, а поэтому является скорее исключением, чем правилом.

Ключевые слова: эффект колеи, культура, Сталин, топонимика, критические моменты, Литва, Белоруссия.

JEL: A13, D02, Z13

УДК: 330.34

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21

© А.П. Заостровцев, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. Эффект колеи, культура и «критические моменты» в институциональной истории // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. Path Dependence, Culture and «Critical Junctures» in the Institutional History // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21.

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

В настоящее время внимание многих экономистов-институционалистов сосредоточено на объяснении феномена зависимости от траектории предшествующего развития (path dependence), нередко называемого в России эффектом колеи (термином, явно навеянным песней Владимира Высоцкого «Чужая колея»). Среди новейших российских исследований эффекта колеи выделяется статья А.А. Аузана, Я.Д. Лепетикова и Д.А. Ситкевича «Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений» [Аузан, Лепетиков, Ситкевич, 2022]. Этой статье предшествовали и другие интересные работы в этой области [Вольчик, 2003; Нуреев, Латов, 2006; Нуреев, Латов, 2010; Нуреев, Латов, 2016; Радаев, 2007; Афонцев, 2010; Завершинский, 2014; Аузан, 2015; Плискевич, 2016, Корнейчук, 2016]. В этот же разряд можно поместить монографии Н.С. Розова [Розов, 2011], С.Г. Кирдиной [Кирдина, 2014] и О.Э. Бессоновой [Бессонова, 2015]. Эффект колеи рассматривается не только в глобальных и национальных масштабах, но и применительно к отдельным институтам и сферам [Вольчик, 2016; Михневич, 2016; Мальцев, Ковалев, 2020; Даньшин, 2020]. Можно даже констатировать безбрежную широту пользования этим термином, приложение его едва ли не к любым исследуемым предметам, например таким, как эволюция деревень в одном отдельно взятом регионе Российской Федерации [Чучкалов, Алексеев, 2020].

В данной статье эффект колеи в эволюции страны помещён в контекст доминирующей культуры, связанной с принадлежностью к тому или иному типу цивилизации². Культура же трактуется как система неформальных институтов, служащих фундаментом институтов формальных. Такое видение можно связать с современным историческим институционализмом³.

Проявления культуры многогранны. В целях её познания можно изучать общественное мнение. Однако здесь встаёт проблема искренности респондентов, особенно в обществах, где идущие вразрез с официальной позицией точки зрения преследуются в уголовном порядке⁴. Тем не менее и в таких обществах можно найти безопасные ниши, которые позволяют выявить социально-культурный код населения.

В настоящее время интересным и многообещающим направлением изучения указанного кода является обращение к нарративам [Вольчик, Маслюкова, 2018; Вольчик, 2020]. В то же время следует обратить внимание не только на сами повествования, но и на ту часть вербального взаимодействия людей, которая представлена в топонимике. Неслучайно при радикальной смене социальных порядков она меняется не менее радикально. И наоборот, эффект колеи может находить свое отражение в консервации старых названий.

² О двух типах базовых социальных порядков — силовой и правовой цивилизации см.: [Заостровцев, 2020. С. 98–151].

³ Автор полагает необходимым объединить исследования возникновения, эволюции и отмирания институтов в историческом времени через понятие «исторический институционализм». Термин «новая институциональная экономика» вводит в заблуждение, поскольку слово «экономика» (когда речь идет о науке) прочно ассоциируется с классическим её определением Л. Роббинсом как науки, изучающей «соотношение между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [Роббинс, 1993. С. 18]. Такое понимание подходит к микроэкономике с её статическим видением мира, в котором задача максимизации цели реализуется через подбор оптимальной комбинации ресурсов. Очевиден его антиисторизм. Неслучайно Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст писали о необходимости новой исследовательской повестки дня для общественных наук [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 416–450].

⁴ Автор придерживается жёсткой манихейской позиции, увязывая уголовное преследование за высказываемое мнение с «силовой цивилизацией» и полностью игнорирует многочисленные примеры преследования журналистов и блогеров в странах, принадлежащих к «правовой цивилизации». Следует также отметить, что в упомянутой выше работе Норты и соавторов нет такого жёсткого противопоставления, но есть несколько градаций государств «ограниченного доступа», прежде чем они превратятся в государства «свободного доступа». Хотя нужно оговориться, что в работе Норты и др. есть определённая идеологическая предвзятость. Это проявляется в отсутствии характеристики условий регресса свободного доступа к ограниченному. — Прим. ред.

Нередко приверженцев учения об эффекте колеи обвиняют в историческом детерминизме, проповеди предопределённости. В этой связи обращается внимание на теорию критических моментов (*critical junctures*). Она пытается раскрыть, как и при каких условиях то или иное общество покидает историческую колею. Эта теория, при всех её проблемах, в целом неплохо иллюстрирует расхождение исторической колеи Литвы и Белоруссии в XX в.

Культура как хранительница колеи

Для описания культуры в роли таковой надо прежде всего определиться с самим понятием «культуры». Д. Тросби выделяет два аспекта культуры. Во-первых, это «ряд позиций, убеждений, нравов, обычаев, ценностей и практик...» [Тросби, 2013. С. 19]. Во-вторых, этим словом обозначаются «виды деятельности, которые выполняются людьми, и продукты такой деятельности, имеющие отношение к интеллектуальным, моральным и художественным аспектам жизни человека» [Там же. С. 20]. Естественно, что исследование колеи обращается к первому из этих определений.

Ш. Бегельсдаик и Р. Маселанд приводят следующее краткое определение: «Культура — это идея, на основании которой действуют индивиды» [Бегельсдаик, Маселанд, 2016. С. 216]. Другое определение, принадлежащее этим же авторам, определяет культуру «как те поведенческие и умозрительные структуры, которые считают неотъемлемыми для создаваемой идентичности сообщества» [Там же. С. 27].

Под культурой М. Харари и Г. Табеллини понимают «преимущественно нормативные ценности о том, что такое “правильно” и что такое “неправильно” и как “должно” себя вести в данных обстоятельствах...» [Harari, Tabellini, 2015. Р. 246]. Согласно Дж. Роланду, «культура — это набор ценностей и убеждений, которые люди имеют по поводу того, как работает мир (как природный, так и социальный), а также нормы поведения, вытекающие из этих ценностей» [Roland, 2020. Р. 415]. Эти определения культуры, по сути, есть и определения неформальных институтов.

Неформальные институты первичны; они более устойчивы и в значительной мере определяют институты формальные. «...Формальные институты, — отмечает в предисловии научного редактора к книге Бегельсдайка и Маселанда В.С. Автономов, — становятся реально действующими только при легитимации неформальными, прежде всего моральными нормами, действующими в обществе» [Автономов, 2016. С. XII].

Классик институциональной экономической истории Д. Норт прямо не отождествлял культуру с неформальными институтами. Однако в дальнейшем такое отождествление было сделано другими авторами [Alesina, Giuliano, 2014]⁵. И действительно, если вникнуть в даваемые экономистами определения культуры, то что отличает её от неформальных институтов? Можно констатировать, что практически ничего⁶.

В то же время Норт, в частности, писал: «Культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее» [Норт, 2010. С. 20]. Кроме

⁵ «Экономисты, в большинстве своём, и мы вместе с ними под культурой понимаем ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени — неформальные институты» [Аузан, 2022. С. 14].

⁶ Попытка В. Тамбовцева построить сложную иерархию понятий (социальные нормы, ценности, практики, культура) и отделить культуру от неформальных институтов представляется излишним умножением сущностей (нарушением принципа бритвы Оккама). Он ссылается на отсутствие операционального или хотя бы просто чёткого определения культуры [Тамбовцев, 2014. С. 87]. Книга Тамбовцева вышла до появления цитированных выше работ Харари и Табеллини, Роланда. Как нетрудно было заметить, их определения культуры достаточно чёткие. Автору статьи ближе всего понимание Харари и Табеллини. У них культура фактически выступает как идеальный образ должного социального порядка.

определения культуры, здесь отмечается, что она-то и формирует эффект колеи⁷. Таким образом, последний создается устойчивостью и протяженностью культуры во времени.

Как же определяют эффект колеи? Для начала снова обратимся к Нортю. «В любой момент времени игроков сдерживает зависимость от пройденного пути — их выбор ограничен сочетанием представлений, институтов и артефактной структуры, унаследованной от прошлого» [Там же. С.24]. В современной российской литературе этот эффект и его «культурный бэкграунд» проанализирован Аузаном [Аузан, 2015; Аузан, 2022. С. 92–115]. В статье Аузана, Лепетикова и Ситкевича эта тема была продолжена и развита [Аузан, Лепетиков, Ситкевич, 2022].

В ней много внимания уделено роли культуры в формировании эффекта колеи. И это обстоятельство, несомненно, придает ей особую ценность. В то же время культура связывается только со спросом на институты. Наряду с ним большое внимание уделяется структуре выгод и издержек, барьерам. Причём при моделировании институциональных изменений (модель макроинституционального эффекта колеи) они, по существу, рассматриваются как независимые переменные [Там же. С. 30–36]. По всей видимости, такой подход не до конца учитывает тот факт, что выгоды, издержки и барьеры не есть некие извне заданные объективные величины, но пронизаны и детерминированы существующими в обществе ценностями, т.е. культурой.

В этом легко убедиться даже на примере элементарной микроэкономической модели рынка труда. Согласно неоклассике предложение труда определяется эффектом дохода и эффектом замещения, который предполагает изменение соотношения предельных ценностей дополнительной единицы часа труда и такой же единицы свободного времени. Очевидно, что это соотношение задаётся ценностью труда и отдыха, заложенной в культуре индивидов. Вспомним, в частности, известный пример с экспериментом по исправлению поведения медсестёр в Индии в госмедучреждениях, который описан в книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [Acemoglu, Robinson, 2012. Pp. 449–450]. Там их упорное отлынивание объясняется неформальным институтом сговора с начальством, но понятно, что сам этот институт есть одно из проявлений национальной культуры.

Если же обратиться к истории, то легко можно увидеть, как культура на протяжении веков выполняла и выполняет роль входного барьера в разных областях. Например, это кастовая система в той же Индии. «Кастовые различия не только усилили глубоко укоренившиеся иерархии и неравенство в обществе, но и исказили природу политики» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 366]. Можно далее вспомнить про исламский банкинг как барьер для развития рынка капитала или положение женщин в странах с исламскими теократиями.

Однако наиболее интересный и близкий нам пример культурного детерминирования в христианском мире показан в исследовании С. Дьянкова и Е. Николовой [Djankov, Nikolova, 2018]. Оно раскрыло, как глубоко укоренившиеся богословские различия между православием, католицизмом и протестантизмом влияют на удовлетворённость жизнью, а также другие взгляды и ценности на большей части европейского пространства сегодня. «По отношению к католикам, протестантам и неверующим приверженцы православия имеют меньший социальный капитал и менее склонны к принятию риска... Они также предпочитают устаревшие идеи новым и работу с высоким уровнем стабильности. Приверженцы православия в большей мере придерживаются политических взглядов левого толка и более выраженного мнения о том, что правительства (а не народ) должны брать на себя больше ответственности» [Ibid. P. 35]. Более того, работа подтвердила боль-

⁷ Похожее определение с указанием на эффект колеи даёт для политической культуры Г.Л. Тульчинский: «Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества» [Тульчинский, 2016. С. 24].

шую расположенность православных стран к коммунизму. Считается, что особенности постсоциалистических стран связаны с особенностями тоталитарного наследия. Однако Дьянков и Николова показали, что «богословские различия между различными христианскими деноминациями могли поставить страны на разные пути развития задолго до прихода коммунизма, и что коммунистические элиты могли использовать культурную среду в своих собственных интересах [Ibid.]⁸.

Роль культуры как барьера развития и модернизации применительно к России была лучше всего показана не экономистами и политологами, а культурологами. Приведём далее достаточно длинную цитату из выступления культуролога и философа А.П. Давыдова на междисциплинарных дебатах о роли культуры, организованных Фондом «Либеральная миссия» в 2010–2011 гг.: «А что предлагают наши либеральные политики и эксперты сегодня? Они опять предлагают реформы, игнорируя культуру. Не получится, господа. Потому что вы опять не учитываете менталитет русского человека. Человека, который болен равнодушием к себе и страхом, как основанием этого равнодушия. А корень страха / равнодушия — в специфике русской культуры. Именно она блокирует развитие у русского человека потребности в свободе. В силу своей статичности, она — противник и модернизации, и личности как субъекта модернизации» [*Куда ведёт кризис...*, 2011. С. 377].

Заслуживает цитирования и следующее утверждение Давыдова: «Культурным основанием развития и, соответственно, его субъектом является автономная личность. От чего она автономна? Она автономна от тех стереотипов культуры, которые всё ещё господствуют в нашем сознании и которые я называю соборно-авторитарными. Именно они являются основанием нашей экономической, социальной и политической динамики. Развитием эту динамику назвать нельзя. Это скорее топтание на месте. Чтобы было развитие, должна произойти смена культурных оснований. Должна появиться массовая потребность в свободе, потребность стать личностью, что равнозначно культурной революции» [Там же. С. 395].

Из этих слов можно заключить, что, собственно говоря, культура и образует колею. И, одновременно, воспроизводясь во времени, передаваясь через поколения, образует в России то, что называют ловушкой институционального развития. Массовую потребность в свободе, потребность стать личностью можно отождествить со спросом на качественные институты. Однако, как мы покажем далее, в России он весьма невелик.

Что в имени тебе моем?

Начнем с Л. фон Мизеса. Надо сказать, что большинство из заявленных современными институционалистами концепций были сформулированы Мизесом очень давно. В частности, это роль культуры как определяющего фактора развития [Мизес, 2005. С. 791; Мизес, 2007. С. 299]. Также он указывал на власть идеологии и общественного мнения. В частности, он писал: «Курс экономической политики страны всегда определяется экономическими идеями, разделяемыми общественным мнением. Никакое государство, ни демократическое, ни диктаторское, не может быть свободно от власти всеми признаваемой идеологии»

⁸ Как это часто случается у русскоязычных авторов, — будь то защитников, будь то критиков православия — история христианства рассматривается весьма избирательно. На момент Великой Схизмы, имевшей место в 1065 г., Византия была самым богатым из христианских государств; Крещение Руси св. Владимиром принято относить к 988 г., таким образом, пресловутого выбора между католичеством и православием на тот момент просто не существовало. В свою очередь, католические ордена основывались на общности имущества, более того, среди них были и «нищенствующие» (францисканцы), что, видимо, следовало бы интерпретировать как близость к коммунистическим принципам... Напротив, в Византийской империи, политическое устройство которой принято характеризовать как «цезарепапизм», несмотря на наличие «своих» монахов и монастырей, не было ни сравнимых с католическими орденов, ни проповеди нищества. — *Прим. ред.*

[Мизес, 2005. С. 798]. И далее подчёркивал: «Верховенство общественного мнения определяет не только исключительное место, занимаемое экономической наукой в мышлении и знании. Оно определяет весь ход человеческой истории (курсив мой — А.З.)» [Там же. С. 810].

Среди социологов всё чаще встречается критическое отношение к опросам общественного мнения. Одним из наиболее критично настроенных по отношению к ним авторов является Г.Б. Юдин [Юдин, 2020]. В его рассуждениях присутствует много верных соображений. В то же время другой социолог — директор «Левада-Центра», признанного в России иностранным агентом, Д.А. Волков — полагает, что даже в современной России опросы возможны [Волков, 2023]. В данном случае не будем вторгаться в споры социологов. Заметим только, что в закрытом обществе очень важно выбрать такой предмет опроса, который не вызывает у респондентов острого желания уходить от ответов или отвечать неискренне в силу страха ожидания последующих репрессий. И, в то же время, такой опрос должен раскрыть важную характеристику общества. В нашем случае — его культуру.

Идеальным вариантом такого опроса является определение отношения к И. Сталину. Публично-негативное отношение к нему пока не преследуется по закону. Так что фактор страха исключён. Ещё в 2008 г., когда проводился телевизионный конкурс «Имя России», Сталин занял третье место после Александра Невского и Петра Столыпина. Однако наблюдавшие за его прохождением высказывали сомнения в таком итоге. До предполагаемого вмешательства в результаты Сталин лидировал по числу поданных голосов, иногда уступая место барду Высоцкому [Самигуллина, 2008]. Да и отсутствие среди «призёров» конкурса Петра I также усиливает сомнение в непредвзятости.

В опросе, проведённом «Левада-Центром» в июне 2021 г., эмоциональное отношение к Сталину в России выглядело так (рис. 1).

Результаты опроса продемонстрировали явно положительное отношение к данному историческому персонажу. В той или иной форме его продемонстрировали 60% респондентов. Тогда как разные степени неприятия — лишь 11%.

Рис. 1. Отношение к Сталину

Источник: Левада-Центр: Отношение к Сталину: Россия и Украина, 2021. <https://www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/> (дата обращения: 25.04.2023) (Настоящий материал (информация) произведён и распространён иностранным агентом АНО «Левада-Центр»).

В нашей книге показано, что в России образ Сталина как некоего идеального или, по меньшей мере, предпочтительного правителя и низкая оценка на его фоне реформатора М. Горбачева явились индикаторами, той культурной почвой, на которой в XXI в. обрёл силу и утвердился неосталинизм [Заостровцев, 2020. С. 231–237]. В ней, в частности, обращается внимание на результаты проведённого в 2017 г. Исследовательским центром Пью (Pew Research Center) опроса. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о роли Сталина и Горбачева в истории. В России, как видно из рис. 2., Сталину приписали положительную и скорее положительную роль 58% ответивших, Горбачеву — лишь 22%. Результаты по остальным приведённым здесь странам бывшего СССР говорят о многом. Больше, чем что-либо иное.

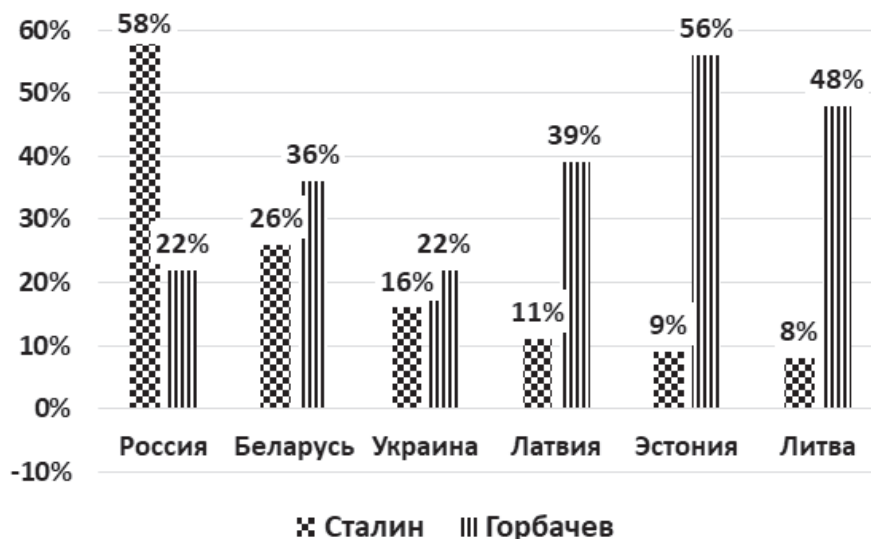

Рис. 2. Положительная и скорее положительная роль в истории

Источник: Pew Research Center, 29.06.2017. In Russia Nostalgia for Soviet Union and Positive Feelings about Stalin. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/29/in-russia-nostalgia-for-soviet-union-and-positive-feelings-about-stalin/> (access date: 25.04.2023).

Сталин ведь не просто человек или даже известнейший политический деятель XX в. С его именем неразрывно ассоциируется определённый общественный строй. Это означает, что высокая оценка Сталина автоматически означает высокую оценку этого строя, вхождение его идеального образа в политическую культуру, а следовательно, так или иначе, его желательности как проекции на будущее. В этой связи поворот России к неосталинизму в XXI в. не должен вызывать никакого удивления. О чём мечтали, то и получили⁹. «Как яхту назовёшь — так она и поплывёт»¹⁰.

⁹ Тут к месту будет вспомнить очень важный постулат Мизеса: «Для наук о человеческой деятельности конечной данностью являются ценностные суждения действующих субъектов и идеи, порождающие эти ценностные суждения» [Мизес, 2007. С. 275].

¹⁰ Несмотря на заявленную автором верность историческому материалу, им полностью игнорируется опыт 1980–1990-х гг., когда антисталинистские настроения в России были максимальны. Последствия этих «культурных настроений» для экономики, науки и культуры, демографии очевидны. Сравнение этого исторического деятеля с Горбачевым некорректно — можно было бы провести аналогичный мысленный эксперимент опроса российского общественного мнения в отношении фигур Александра III и А. Керенского. Подобное манипулирование, характерное для «политологических» социологических опросов, затемняет реальный выбор, хорошо осознаваемый респондентами из бывших соцстран: либо Сталин, либо Гитлер. Спустя 30 лет после «поражения СССР в холодной войне» соответствующий исторический выбор элитами бывших соцстран стал очевиден, что проявляется и в сносе советских памятников, и в «маршах легионеров», и в топонимике. Напротив, никакой «ползучей реабилитации сталинизма» в России не наблюдается. — Прим. ред.

Приверженность населения России сталинизму любят приписывать пропаганде, воздействию телевизионной картинки. Эта приверженность трактуется как нечто временное, наносное, непостоянное. В этой связи можно сказать лишь одно: есть химическая реакция, а есть её катализатор. Но последний попросту бесполезен без первой. В нашем случае химическая реакция может протекать с различной интенсивностью, но при этом её отличает устойчивость. В данном сравнении она олицетворяет многовековую культуру государствопоклонства российского общества, одной из ярких исторических разновидностей которой является сталинизм.

Если на время отойти от опросов общественного мнения как инструментов выявления особенностей культуры, то стоит вспомнить про такой лежащий на поверхности и гораздо менее подверженный искажениям индикатор, как топонимика. Названия городов, улиц, площадей и т.п. — это, конечно же, не нарратив, но в чём-то они близки мемам. Мем — это что-то вроде элементарной частицы при передаче информации. Они могут передавать идеи [Вольчик, Маслюкова, 2018. С. 161]. Естественно, в очень сжатой форме. Но зато очень наглядной и доступной. Например, «улица Красного курсанта» многое говорит о политической культуре.

Кардинальное изменение институциональной среды предполагает и такую же смену топонимики. Примером могут служить страны Балтии, где все советские названия улиц были почти одновременно заменены на исторические или же, в случае отсутствия таковых, просто на другие. В России этот процесс шёл медленно в 90-е гг. прошлого века, а потом затормозился. Рассмотрим его на примере Санкт-Петербурга.

Всего в городе после социалистической революции и до сегодняшнего дня сменили названия 217 улиц (площадей)¹¹. Из этого списка можно вычесть, как минимум, три названия, замена которых никак не носила идеологический характер, а была связана с чисто техническими обстоятельствами. В результате из примерно 214 названий вернули свое историческое имя 63 или 29%.

В некоторых случаях утрата исторических названий не обернулась их последующим восстановлением при очередном переименовании. Такое имело место при устранении имён коммунистических деятелей, ставших жертвами сталинских чисток. Так, Пальменбахская улица с 1922 по 1937 г. была улицей Домбаля¹². После этого стала Смольной улицей.

Далеко не все переименованные при советской власти улицы получали имена с коммунистической нагрузкой. Это связано, как правило, с валом переименований в 1952 г., когда поздний сталинский СССР боролся с космополитами и приобщался к «славным именам» царской империи. Так, Колтовская набережная стала набережной адмирала Лазарева (одного из первооткрывателей Антарктиды). Однако в любом случае устранение старого названия — это не техническая деталь, а борьба с исторической памятью. Даже когда Гарднеровский переулок (по имени купца Гарднера) переименовывается в Евпаторийский.

В то же время в Санкт-Петербурге сохраняется и много улиц, названных в честь коммунистических деятелей. Есть, например, улица Котовского и улица Куйбышева. Москвичи по железной дороге прибывают на Московский вокзал на площадь Восстания (Знаменская). Около Смольного института сохраняется площадь Пролетарской диктатуры (Лафонская). Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Особо выделим имя Ленина. После 1991 г. удалось справиться только с Ильичём. Переулок Ильича стал Большим и Малым Казачьими переулками. Перед Финляндским вокзалом остаётся площадь Ленина (Финляндская) и ул. Ленина (Широкая). В относи-

¹¹ Улицы Петербурга, 2023. Список переименованных улиц. Сайт Nick de Golden. <https://nickdegolden.ru/ulicy-peterburga-spisok-pereimenovannyh-ulic/> (дата обращения: 25.04.2023).

¹² Томаш Домбаль — польский революционер, потом советский партийный деятель. Расстрелян в 1936 г. по делу «Польской военной организации».

тельно новом районе города есть ещё Ленинский проспект. Новые районы здесь не рассматривались, но там после 1991 г. переименован еще меньший процент улиц, несущих в своих названиях память о коммунизме, СССР и т.п. Заглохла даже инициатива переименовать улицу Белы Куна. В 2011 г. власти её не поддержали.

Продолжить можно подсчётами, связанным с именем Ленина. В городах России 56 улиц Ленина¹³, 6 Ленинских улиц¹⁴, 9 Ленинских проспектов¹⁵, 59 проспектов Ленина¹⁶, 14 улиц Ильича¹⁷ и 57 площадей Ленина¹⁸ [*Площади Ленина*, 2023]. Не так уж трудно суммировать и получить 201 наименование.

Однако вернёмся в Санкт-Петербург. Может сложиться неверное впечатление, что удержание названий советской эпохи — это некая прихоть администрации. Это не так. Массовое сознание не менее негативно относится к их изменениям. В 2018 г. Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр Комитета по информатизации и связи администрации губернатора города проводил опрос петербуржцев относительно переименования ул. Восстания и с 1-й по 10-ю Советских улиц. Иначе говоря, улиц с весьма одиозными названиями. При этом Советские улицы ранее были Рождественскими (вроде как восстановление их исконных имен должно было радовать православных жителей). В итоге поддержали возвращение имен 32,6% респондентов (12,8% — полностью «за» и 19,8% — скорее «за»). Против же высказались 55% (28,3% резко против, 26,5% — скорее против). Затруднились высказать мнение 12,4% [*Отношение петербуржцев...*, 2018]. Одновременно проводился опрос и об отношении к названию улицы, на которой проживают петербуржцы. Ставился следующий вопрос: «Нравится ли Вам название той улицы (проспекта и т.п.), на которой Вы проживаете в данный момент?». 89,3% ответили, что нравится и лишь 6% оно не нравится (4,7% затруднились ответить) [Там же]. Очевидно, что среди этих почти 90% респондентов много тех, кто живёт на улицах с одиозными советскими именами. И, тем не менее, их это вполне устраивает. Более того, даже среди недовольных около трети (36,1%) выступили бы против возможного переименования [Там же].

Выяснялось и отношение к переименованию в целом. К респондентам обращались с такой преамбулой: «Переименование может касаться не только улиц, а также других объектов (парки и скверы, станции метрополитена и т.п.) и разных ситуаций: иногда предлагается вернуть историческое название, иногда предлагается изменить изначально существующее». И далее следовал вопрос: «Если взять вопрос переименований в целом, с каким суждением Вы скорее согласились бы?»

Выяснилось, что лишь 5,3% занимают позицию, согласно которой эту работу необходимо систематически вести и пересмотреть обоснованность названий возможно боль-

¹³ Улицы Ленина, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

¹⁴ Ленинские улицы, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

¹⁵ Ленинские проспекты, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

¹⁶ Проспекты Ленина, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

¹⁷ Улицы Ильича, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%87%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

¹⁸ Площади Ленина, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B4%D1%8C_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

шего числа объектов. В противовес им три четверти (76,8%) горожан убеждено, что эту деятельность необходимо вообще прекратить, а ещё около 14% полагают, что если какие-то названия и нужно изменить, то таких во всём городе наберётся не больше 5-6. Данная картина мнений была одинакова во всех рассматриваемых социально-демографических группах [Там же].

В таком опросе люди вряд ли отвечали неискренне. О чём говорят его результаты? В первую очередь о том, что у граждан города отсутствует потребность отделить себя от 70-летнего коммунистического эксперимента. Они готовы жить в окружении коммунистических имен и символов¹⁹. Во-вторых, о преемственности политической культуры. Таковая присуща не только России, но и ряду постсоциалистических стран. Её наличие есть признак глубокого погружения в то, что можно назвать силовой цивилизацией (*rule of force*).

Нередко возражают, говоря, что и имя Сталина, и имена улиц и пр. — это всё несущественно. Что, мол, стоят слова? По нашему мнению, существенно. Сегодня — слово, завтра — дело.

Концепция критических моментов: можно ли выйти из колеи?

В институциональной теории истории существует сравнительно молодая концепция критических моментов (*critical junctures*), которая в обобщённом виде впервые была представлена политологами Дж. Капоччия и Р. Келеменом в 2007 г. [Capocchia, Kelemen, 2007]. В дальнейшем Капоччия развил её, показав связь критических моментов с институциональными изменениями [Capocchia, 2015]. Д. Коллиер и Дж. Мунк определили критический момент как главный эпизод институциональной инновации, порождающий длительное наследие (*legacy*)²⁰. Эпизоды эти могут быть самыми различными, но объединяет их то, что они есть результат расхождения или шока. Последствиями являются долгоживущие, стабильные институты с заложенным в них механизмом самовоспроизводства (зависимости от предшествующего пути) [Collier, Munk, 2015].

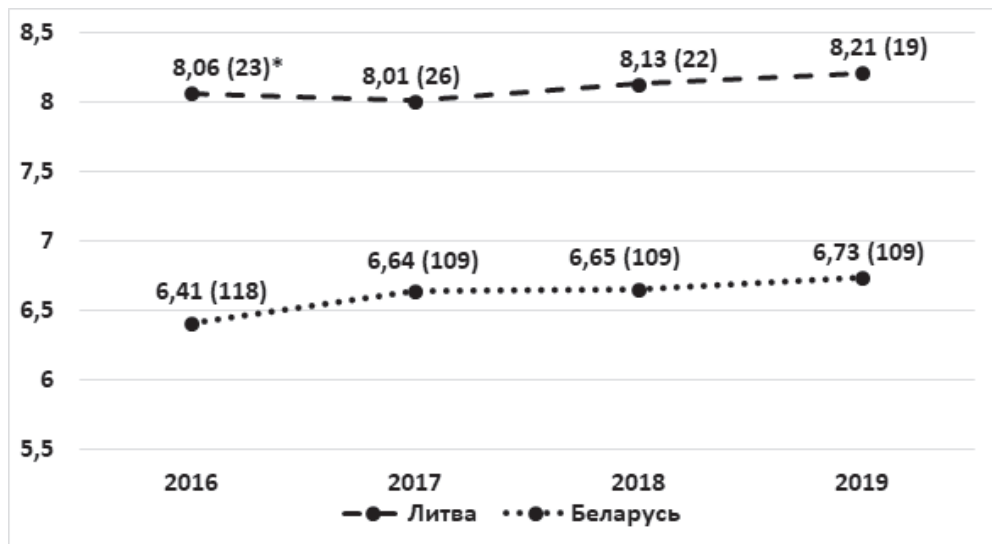
Коллиером и Мунком рассмотрена следующая логическая цепочка: предпосылки → расхождение или шок → критический момент → механизм производства (шаги, последовательность которых создает наследие) → наследие [Ibid. P. 5]. Эту схему можно применить к сравнительному анализу истории Литвы и Белоруссии в XX в. Вкратце можно сказать, что первые две стадии этой схемы у Литвы и Белоруссии были очень похожи, практически совпадали: признаки становления национальной идентичности в царской России, Первая мировая война и социалистическая революция, сопровождавшиеся распадом Российской империи.

Однако Белоруссия (в отличие от Литвы) не смогла перейти к четвёртой стадии. Литовская республика существовала между мировыми войнами, и это обстоятельство заложило основы традиции суверенной государственности. В то же время Белорусская народная республика просуществовала в 1918 г. чуть более полугода. Таким образом, критический момент (провозглашение государственной независимости) здесь не закрепился в виде наследия.

¹⁹ Манипуляции с топонимией вряд ли стоит интерпретировать так однозначно. О чём автору говорят многочисленные площади, бульвары и улицы имени рабовладельцев Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона? Несмотря на протесты части афроамериканцев (не говоря уже о коренных жителях Америки), их ещё не все переименовали. Исходя из логики работы, это свидетельство принадлежности к «силовой цивилизации» и неизбежности грядущего экономического кризиса. — Прим. ред.

²⁰ Критический момент определяется и как «исторический момент, в ходе которого возможны гораздо большие изменения, чем в предшествующий и последующий периоды высокой и часто длительной институциональной стабильности» [Büthe, Jacobs, 2017. P. 1].

После Второй мировой войны и Литва, и Белоруссия находились в составе СССР в качестве союзных республик. Однако литовцы воспринимали это положение как национальный гнёт («третья оккупация»), противопоставляли себя СССР. Напротив, белорусы, не имевшие такого периода суверенной государственности, искренне воспринимали себя как часть СССР. Поэтому новый критический момент, связанный с распадом СССР и созданием на месте союзных республик независимых государств привёл в конечном счёте к совершенно разным результатам. Литва органически вошла в западную цивилизацию, Белоруссия противопоставила себя ей (рис. 3) и фактически утратила суверенную государственность, став сателлитом России²¹.

* В скобках — ранги среди оцениваемых стран мира.

Рис. 3. Индекс человеческой свободы (Индекс человеческой свободы Института Катона (США) представляет собой композитный индекс, соединяющий индекс экономической свободы и индекс личной свободы, высшее значение — 10,0)

Источник: The Human Freedom Index — 2021. <https://www.cato.org/human-freedom-index/2021> (дата обращения: 25.04.2023).

Таким образом, практически однотипные критические моменты дважды в истории обернулись, можно сказать, диаметрально противоположными результатами. Это возвращает нас к вопросу культуры. Недостаточно было формально провозгласить национальную государственность, важно, чтобы это провозглашение отвечало ценностям народа, олицетворяло его национальную идентичность.

В то же время на примере Тайваня можно видеть, что шоки и критические моменты нередко должны повторяться с тем, чтобы произошли решающие изменения в культуре, например смена культуры цивилизации силового (деспотического) типа на культуру цивилизации правового типа [Заостровцев, 2020. С. 248–250]. Тайвань стал Западом, в то время как материковый Китай, несмотря на все его успехи в плане экономического развития, в конечном счёте, от него отдалился и вышел на активное геополитическое противостояние ему.

²¹ «Органическое вхождение в западную цивилизацию» сопровождалось стремительной депопуляцией и деиндустриализацией Литвы вместе с резким ростом потребления алкоголя (данные ВОЗ за 2007–2017 г., Литва вышла на 1-е место в мире (OECD (2019). “Alcohol consumption among adults”, in Health at a Glance 2019: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/961753cf-en> (дата обращения 24.06.2023)).). Заодно, если использовать топонимические характеристики, героем Польши и стран Прибалтики стал Джохар Дудаев (площадь Дудаева в Варшаве, сквер Дудаева в Вильнюсе, аллея Дудаева в Риге, мемориальная доска (оккупанту! — «работал в 1987–1991 гг.») Дудаеву в Тарту). Надо полагать, чеченский терроризм органически соответствует «правовой цивилизации». На этом фоне культурное, демографическое и социально-экономическое состояние Белоруссии выглядит намного более предпочтительным. — *Прим. ред.*

Для того, чтобы такая переворачивающаяся цивилизационный тип культурная революция имела место в крупной империи, её должен предвдварять шок в форме распада. Он создаёт условия для формального обособления её частей в качестве критических моментов. Вне его смена цивилизационного типа вряд ли возможна. Если бы Испания до сих пор дралась за сохранение своих колоний на Американском континенте, то превращение её в государство — член ЕС было бы исключено. То же самое можно сказать и о Португалии и её африканских колониях.

Имперско-державная культура оказывается зачастую главным препятствием на пути перехода к правовому обществу. Если она ослабляется и имперский организм распадается, то ресентимент может остаться в прошлом. Однако «может» не значит «должен». В таких случаях всё зависит от конкретных исторических обстоятельств (особенностей критического момента или моментов).

Заключение

Концепции зависимости от траектории предшествующего пути и критических моментов органически встроены друг в друга. Первая показывает, что историческое прошлое во многом определяет настоящее и будущее. Передаточным механизмом являются неформальные институты или культура. Мир идей, построенный на базовых, укоренившихся ценностях и нормах, диктует, в конечном счёте, каким быть миру реальному.

Именно поэтому столь труден импорт формальных институтов, которые при столкновении с чуждой культурой, обычно отторгаются. История даёт неоднократные подтверждения этому, когда, казалось бы, изначально успешные радикальные реформы оборачиваются «возвращением к истокам». Российские реформы, начиная с горбачёвской перестройки и далее в 90-е гг. прошлого века — наглядный тому пример.

Критические моменты взрывают стабильность движения по исторической траектории. Они отождествляются с ситуациями, когда выход из колеи возможен. Однако необходимое условие ещё не есть достаточное. Для того, чтобы сменить принадлежность к цивилизации, нужно обычно пройти через ряд шоков и критических моментов. И в каждом из последних нужно сделать правильный выбор, что тоже далеко не просто.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В. (2016). От научного редактора. Путеводитель по культуре для экономистов // *Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности* [Avtonomov V. (2016). From the Science Editor. Cultural Guide for Economists // Begelsdijk S., Maseland R. Culture in Economics: History, Methodological Considerations and Areas of Practical Application in Modern Times]. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. I–XIV.
- Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез [Auzan A.A. (2015). Path Dependence Problem: The Evolution of Approaches] // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. № 1. С.3-17.
- Аузан А.А. (2022). Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа [Auzan A.A. (2022). Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy and the Welfare of the People]. — М.: Издательство АСТ.
- Аузан А.А., Лепетиков А.Д., Ситкевич Д.А. (2022). Колея и маятник: Влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений [Auzan A.A., Lepetikov A.D., Sitkevich D.A. (2022). Track and pendulum: impact of the past dependence problem on the dynamics of institutional change] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 24-47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47.
- Афонцев С.А. (2010). Зависимость от исторического пути, социальное действие и исторический процесс // «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России [Afontsev S.A. (2010). Dependence on the Historical Path, Social Action and the Historical Process //

- Soviet Heritage. Reflection of the Past in the Social and Economic Practices of Modern Russia] / Под ред. Л.И. Бородкина и др. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 21–36.
- Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. (2016). *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности*. [Begelsdijk S., Maseland R. (2016). Culture in Economics: History, Methodological Considerations and Areas of Practical Application in Modern Times]. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Бессонова О.Э. (2015). *Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции* [Bessonova O.E. (2015). The Market and Handouts in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration]. — М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Волков Д. (2023). *Возможны ли опросы в современной России?* [Volkov D. (2023). Are Opinion Polls Possible in Modern Russia?]. Левада-центр. <https://www.levada.ru/2023/02/10/vozmozhny-li-oprosy-v-segodnyashnej-rossii/> (дата обращения: 25.04.2023).
- Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития [Volchik V.V. (2003). Failures of Economic Theory and Dependence on the Previous Path of Development] // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 1. №3. С. 36–42.
- Вольчик В. (2016). *Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России* [Volchik V. (2016). Dependence on the Trajectory of the Previous Development and the Evolution of the Institution of Property in Russia]. <https://psihdocs.ru/v-v-volechik-zavisimoste-ot-traektorii-predshestvuyushhego-razv.html> (дата обращения: 25.04.2023).
- Вольчик В.В. (2020). Нарративы и понимание экономических институтов [Volchik V.V. (2020). Narratives and Understanding of Economic Institutions] // *Terra Economicus*. Вып. 18. № 2. С. 49–69. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69.
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2018). Нарративы, идеи и институты [Volchik V.V., Maslyukova E.V. (2018). Narratives, Ideas and Institutions] // *Terra Economicus*. Вып. 18. № 2. С. 150–168. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168.
- Даньшин А.И. (2020). «Эффект колеи» в сельском хозяйстве депрессивных территорий [Danshin A.I. (2020). Path Dependence Effect in Agriculture of Depressive Territories] // *Географическая среда и живые системы*. № 2. С. 100–112. DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-100-112.
- Завершинский К.Ф. (2014). «Эффект колеи» в методологии политико-культурных исследований институциональной динамики современного российского общества [Zavershinskiy K.F. (2014). «Path Dependence» in the Methodology of Political and Cultural Studies Contemporary Russian Institutional Dynamics] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия б*. Вып. 1. С. 71–79.
- Заостровцев А.П. (2020). *Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?* [Zaostrovtssev A.P. (2020). Modernization Debate: Common Road or Special Ways?]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Кирдина С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию* [Kirdina S.G. (2014). Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y theory]. — М., СПб.: Нестор-история.
- Корнейчук Б.В. (2016). «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений [Korneychuk B.V. (2016). «The Rut Effect» in the Context of the Evolutionary Theory of Economic Changes] // *Terra Economicus*. Вып. 14. № 1. С. 78–87.
- Куда ведет кризис культуры? (2011): Опыт междисциплинарных диалогов [Where is the crisis of culture leading? (2011): Experience of Interdisciplinary Dialogues] / Под ред. И.М. Клямкина. — М.: Новое издательство.
- Левада-Центр (2021). *Отношение к Сталину: Россия и Украина* [Levada Center (2021). Attitude towards Stalin: Russia and Ukraine]. Левада-центр. <https://www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/> (дата обращения: 25.04.2023).
- Мальцев А.А., Ковалев А.В. (2020). Теоретические взгляды экономистов России и Белоруссии: эффект колеи [Maltsev A.A., Kovalev A.V. (2020). Theoretical and Methodological Views of Russian and Belarusian Economists: Path Dependence] // *Журнал экономической теории*. Т. 17. № 3. С. 560–573. DOI: /10.31063/2073-6517/2020.17-3.4.
- Матвеев А.А. (2019). Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России [Matveev A.A. (2019). Application of the «Path Dependence» Theory in the Study of Institutional Transformations in Russia] // *Управленческое консультирование*. № 4. С. 107–113. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-4-107-113.
- Мизес Л. фон. (2007). *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции* [Mises L. von. (2007). Theory and History: Interpreting Socio-Economic Evolution]. — Челябинск: Социум.
- Михневич С.В. (2016). «Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России [Mikhnevich S.V. (2016). «Dependence Path» and the Problem of the Russian External Policy Transformation] // *Актуальные проблемы Европы*. 2016. № 1. С. 55–80.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [North D. (2010). Understanding the Process of Economic Change]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Нуреев Р., Латов Ю. (2006). Что такое зависимость от предшествующего развития и как её изучают российские экономисты // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса* [Nureev R., Latov Yu. (2006). What Is the Dependence on the Previous Development and How Russian Economists Study It // *Origins: from the experience of studying the economy as a structure and process*] / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл.ред.) и др. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 228–256.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010). *Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)*. [Nureev R.M., Latov Yu.V. (2010). *Russia and Europe: the Rut Effect (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)*]. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Нуреев Р. М., Латов Ю.В. (2016). *Экономическая история России (опыт институционального анализа)*. [Nureev R. M., Latov Yu.V. (2016). *Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis)*]. — М.: КНОРУС.
- Отношение петербуржцев к переменам в городской топонимике* (2018): Экспресс-Анализ [The Attitude of Petersburgers to Changes in Urban Toponymy (2018): Express-Analysis] / СПб ИАЦ. — СПб: Комитет по информатизации и связи.
- Плискевич Н.М. (2016). «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа [Pliskevich N.M. (2016). «Path dependence» and Problems of Modernization of the Mobilization Type] // *Мир России*. № 2. С. 123–143.
- Радаев В.В. (2007). Можно ли преодолеть зависимость от предшествующего развития? [Radaev V.V. (2007). Is It Possible to Overcome Dependence on Previous Development?] // *Отечественные записки*. Вып. 35. № 2. Онлайн-версия. <https://strana-oz.ru/2007/2/mozhno-li-preodolet-zavisimost-ot-predshestvuyushchego-razvitiya> (дата обращения: 25.04.2023).
- Роббинс Л. (1993). Предмет экономической науки [Robbins L. (1993) Subject Matter of Economics] // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. Вып. 1. № 1. С. 10–23.
- Розов Н.С. (2011). *Колея и перевал: макроэкономические основания стратегий России в XXI веке* [Rozov N.S. (2011). *Rut and Pass: Macroeconomic Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century*]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Самигуллина А. (2008). Запрос на величие [Samigullina A. (2008). Request for Greatness] // *Газета ру*. https://www.gazeta.ru/politics/2008/12/29_a_2919791.shtml (дата обращения: 25.04.2023).
- Тамбовцев В.Л. (2014). *Экономическая теория неформальных институтов* [Tambovtsev V.L. (2014). *Economic Theory of Informal Institutions*]. — М.: РГ-Пресс.
- Тросби Д. (2013). *Экономика и культура* [Throsby D. (2013). *Economy and culture*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Тулчинский Г.Л. (2018). *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы* [Tulchinsky G.L. (2018). *Political Culture of Russia: Sources, Lessons, Prospects*]. — СПб.: Алтейя.
- Чучкалов А.С., Алексеев А.И. (2020). Эффект колеи в эволюции сельских населённых пунктов республики Марий Эл [Chuchkalov A.S., Alekseev A.I. (2020).). The Track Effect in the Evolution of Rural Settlements in the Republic of Mari El.] // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. № 2. С. 53–65.
- Юдин Г. (2020). *Общественное мнение, или Власть цифр* [Yudin G. (2020). *Public Opinion or the Power of Numbers*]. — СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. — New York: Crown Business.
- Alesina A., Giuliano P. (2014). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
- Büthe T., Jacobs A.M. (2017). Letter from the Editors // *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. No. 1. Pp. 2–8.
- Caroccia G. (2015). Critical Junctures and Institutional Change // *Advances in Comparative-Historical Analysis* / J. Mahoney, K. Thelen (eds.). — New York: Cambridge University Press. Pp. 147–179. DOI:10.1017/SBO9781316273104.007.
- Caroccia G., Kelemen R.D. (2007). The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*. Vol. 59. No. 3. Pp. 341–369. DOI:10.1017/S0043887100020852.
- Collier D., Munk G.L. 2017. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studies Critical Junctures // *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. No. 1. Pp. 2–9.
- Djankov S., Nikolova E. (2018). *Communism as the unhappy coming: Policy Research Working Paper No. WPS 8399*. — Washington, D.C.: World Bank Group URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/303241522775925061/Communism-as-the-unhappy-coming> (access date: 25.04.2023).
- Harari M., Tabellini G. (2015). The Effect of Culture on the Functioning of Institutions // *Culture Matters in Russia – and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / L. Harrison, E. Yasin (eds.). — London and etc.: Lexington Books. Pp. 245–265.

Pew Research Center (2017). *In Russia Nostalgia for Soviet Union and Positive Feelings about Stalin*. Pew Research Site. 29.06. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/29/in-russia-nostalgia-for-soviet-union-and-positive-feelings-about-stalin/> (access date: 25.04.2023).

Roland G. (2020). Culture, Institutions and Development // *The Handbook of Economic Development and Institutions* / Ed. by J.-M. Baland, F. Bourguignon, J.-Ph. Platteau and Th. Verdier. — Princeton and Oxford: Princeton University press. Pp. 414–448.

The Human Freedom Index — 2021. (2021). Cato Institute. <https://www.cato.org/human-freedom-index/2021> (access date: 25.04.2023).

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrvtsev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics

zao-and@yandex.ru

PATH DEPENDENCE, CULTURE AND CRITICAL JUNCTURES IN THE INSTITUTIONAL HISTORY

Abstract. In the article, the path dependence is considered, first of all, as a cultural phenomenon. Culture is understood as a stable, reproducible image of an ideal social order in historical time. It is identified with informal institutions that underlie formal institutions. Culture, on the one hand, is the binding material of historical epochs, and on the other hand, for this reason, it can also act as an institutional trap — an obstacle to modernization. Public opinion polls and toponymy can serve as indicators of national cultural characteristics. In Russia, these include the clear prevalence of positive assessments of the role of Stalin over similar assessments of Gorbachev and the preservation of toponymy of the communist era. The concept of critical junctures can be used both to explain the mechanism for getting on and off the historical track. In the article, it is illustrated by the diverging paths of Lithuania and Belarus in the 20th century. As a result, it is concluded that getting out of path dependence is possible, but requires a rare combination of key events, and therefore is the exception rather than the rule.

Keywords: *path dependence, culture, Stalin, toponymy, critical junctures, Lithuania, Belarus.*

JEL: A13, D02, Z13.